

Безупречный Шунь

Мифы Древнего Китая

В племени Шан в стародавние времена жил-был слепой старец Гу-Соу со своей женой. Не имели они детей и от этого страдали. Как-то ночью Гу-Соу приснился феникс с зернышком риса в петушином клюве. Феникс, владевший речью, дал старцу проглотить зернышко и, объяснив ему, что от него пойдет в роду Гу-Соу потомство, взмахнул крылами и скрылся.

Вскоре в доме родился сын, на сыновей смертных непохожий. В каждом глазу у него было по два зрачка. Поэтому его называли Шунем («Зорким»). Недолго после этого прожила родительница. Отец Шуня взял в жены злую женщину. Она родила мальчика, которому дали имя Сян («Слон»). Характером он был в мать, злобный и вредоносный. Тогда уже люди Шан выкорчевывали деревья и обрабатывали поля. Не мог Сян пройти мимо участка с колосющимся просом, чтобы его не вытоптать. Следы разрушителя всегда вели в дом Гу-Соу. Не раз приходили люди с жалобой на его младшего сына, но старец не принимал никаких мер, мать же поощряла его проступки, считая их безобидными шалостями. Но Шуню терпением и убеждением удалось приручить своего дикого братца. Вместо того чтобы вытаптывать поля, он, всем на диво, начал помогать выкорчевывать пни. Часто можно было наблюдать такую картину: Шунь восседает на Сяне, влекущем плуг или борону.

Уже в нежном возрасте Шунь отличался сыновней почтительностью и редким трудолюбием. Правитель страны, а им тогда был мудрый Яо, слышал о мальчике, а затем о юноше одни похвалы. Поэтому он пригласил его к себе. Впервые Шунь увидел фениксов, бродивших по двору вместе с курами и петухом. Более всего Шуня поразило дерево, росшее прямо на ступеньках царского дома. На ветвях с начала месяца росли стручки. Опадая, они показывали время.

Яо восседал за трапезой вместе с дочерьми и сыновьями. Шунь обратил внимание на то, что царь, царевичи и царевны ели не из золотой, не из серебряной — из глиняной посуды.

Одеты царские дети были просто, но на Яо было одеяние божественного красного цвета.

— Присаживайся, юноша! — сказал Яо, пронизывая Шуня взглядом.

Когда Шунь сел, ему пододвинули миску с дымящимся рисом и палочками.

— Я слышал о тебе хорошее, — продолжал царь. — Поэтому даю тебе в жены двух своих дочерей.

Шунь взглянул в направлении, куда обратился царский перст, и едва не ослеп. От лиц девушек исходил блеск божественной красоты.

— Приданным не обижу, — царь показал на большой деревянный сундук в углу горницы. — Тебе самому я дарю цитру и лук, ибо надеющемуся управлять надо быть сильным не только в войне, но и в музыке.

Так в то утро Шунь покинул царский дом с двумя женами, с луком в одной руке, цитрой — в другой. Сундук же везли на волах. Поселился Шунь отдельно от царя и от своих родителей. Но родительский дом был недалеко.

Видя счастье Шуня, зная о всеобщей любви к нему, мачеха люто возненавидела пасынка. Ей удалось настроить против него отца, человека недалекого и безвольного. Он смотрел супруге в рот и исполнял все ее желания и капризы. Но это не мешало Шуню относиться к отцу и его супруге с неизменной почтительностью, навещая их в положенные для этого дни. Он не забывал и о дарах. Жены Шуня ухаживали за свекровью и были с нею ласковы. Это лишь разжигало ее ненависть.

Орудием в руках мачехи стал злобный Сян. Его свела с ума небесная красота жен Шуня, и он решил убить брата, чтобы овладеть женами его. Мачеха поддержала Сяна в его коварных намерениях, Гу-Соу никогда ей не перечил. Так эта семейка была единодушной в стремлении погубить Шуня.

Гу-Соу как-то пригласил сына починить прохудившуюся кровлю амбара. Перед тем как отправиться к отцу, юноша заглянул к женам, чтобы они знали, куда он идет. Услышав о приглашении отца, красавицы переглянулись.

— Не ходи! — сказали они в один голос. — Тебя замыслили сжечь.

— Но могу ли я отказать тому, кто меня родил?! — возразил Шунь.

Тогда жены отправились к сундуку, где хранилось приданое, достали одеяние с вышитым пестрым шелком фениксом.

— Переоденься, повелитель, — сказали они Шуню. — И можешь идти.

Отец, мать и брат встретили Шуня ласково, лишь пожурили его за расточительность: ведь для грязной работы не годится нарядная одежда. Они сами принесли лестницу и установили ее так, что Шуню оставалось лишь подняться на крышу. Когда он срывал прогнившие доски, злодеи незаметно забрали лестницу, подвалили к стенам заранее припасенный хворост и бросили в него факел. Увидев высоко вздымающиеся языки пламени, Шунь заметался в поисках лестницы. Не найдя ее, он' понял, что его хотят погубить. Видя смятение юноши, родичи хохотали:

— Тебе не спастись. Разве улетишь на небо.

Шунь, кажется, это понимал и сам. Во всяком случае, он поднял руки к небу и стал взывать о помощи. Внезапно тело его покрылось разноцветными перьями, руки превратились в крылья, уста — в петушиный клюв. Став фениксом, из зернышка которого родился, Шунь взлетел в небо. Но вскоре он опустился неподалеку от пылающего амбара без своего одеяния, но в человеческом облике.

Не дожидаясь, когда Шунь удалится, злодеи стали шушукаться, как крысы в подполье.

— Не надо было его пускать в одежде, на которой вышита птица! — скороговоркой произнесла мачеха.

— Да! Да! — прогудел Сян. — Он нас обманул. Теперь мы попросим его почистить колодец и проследим, чтобы на нем была рабочая одежда.

Гу-Соу кивал одобрительно головой, когда же Сян замолк, вызвался сам пойти к Шуню, чтобы заманить его и погубить.

Стуча палкой, он в тот же день отправился к еыну. Извинившись за случившееся и заверив, что подобное не повторится, старец попросил сына почистить колодец, ибо в доме нет мужа, кто мог бы это сделать: ведь под Сяном оборвется любая веревка.

— Будь спокоен, отец! — произнес Шунь с почтением. — Я выполню твою волю.

Утром жены достали из сундука одеяние с вышитым на нем драконом и посоветовали супругу надеть его как исподнее, а рабочую одежду поверх него.

Выполнив это, Шунь простился с женами и отправился в родительский дом. Видя, что на Шуне рабочая одежда, злодеи мигом сбегали за канатом и, прикрепив его, опустили в колодец, так что Шуню оставалось лишь взять лопату и спуститься. Но не успел он добраться до воды, как сверху обрушились камни. Шунь, однако, успел скинуть рабочую одежду и превратиться в дракона, точно такого, какой был вышит на его одеянии. Дракон бросился в воду и поплыл по подземному морю к другому колодцу.

Между тем родичи продолжали сверху заваливать колодец камнями и глиной. Засыпав его до уровня земли, все, кроме Сяна, отошли, он же стал втоптывать землю всей своей тяжестью, так что вскоре уже нельзя было различить и места, где был колодец.

После этого все, оживленно беседуя, двинулись к дому Шуня.

— Можете взять землю, скот и дом, — бубнил Сян, — Мне нужны лишь цитра, лук и жены, ибо...

— Но без одеяния и украшений, — вставила мать Сяна. — тебе их не носить, да и твоим женам богатство теперь ни к чему. Они станут рабынями, и я сама прослежу, чтобы они не ленились.

Войдя в дом, злодеи объявили о том, что Шунь погиб, а они вступают во владение всем его имуществом. Мачеха кинулась к сундуку и, раскрыв его, стала выбрасывать содержимое на пол. Отец, стуча палкой по половицам, ходил по горницам и ощупывал вещи. Сян же сорвал со стены цитру, сел на постель Шуня и, ударив по струнам, приказал женам раздеться и плясать. Слуха же у Сяна не было. О таких людях, как он, говорят, что им наступил на ухо слон. Не успели женщины скинуть свои одежды, как в дом вступил Шунь.

— Дорогие гости! Я вас не ждал в доме! — сказал он окаменевшим от ужаса злодеям. — А вы, жены, подайте моим родителям и брату угощение.

Родичи не захотели садиться за стол и, пятясь, как раки, покинули дом. Но, возбужденные богатствами Шуня и красотой его жен, злодеи вскоре опомнились и стали вновь размышлять, как наверняка погубить сына и брата.

— Я думаю, — сказала мачеха первой, — что у Шуня под рабочей одеждой было вышитое одеяние. Когда я разбирала сундук, я видела, что таких одеяний множество. Поэтому Шуня надо отравить.

— Да! Да! Отравить! — радостно подхватил Сян. — Как мы сразу не догадались? Тогда бы нам не пришлось засыпать колодец и рыть новый. У нас бы остался амбар. Я сам отправлюсь к Шуню и, извинившись перед ним, приглашу его на пир.

Придя домой, мачеха занялась приготовлением яда, заставив мужа толочь в ступе какие-то куски и крупинки. Наутро Сян отправился к Шуню, чтобы пригласить его в гости.

Едва Сян покинул дом Шуня, как он обратился к женам:

— Что же теперь мне надеть? — спросил он. — Я уверен, что они не думают мириться со мною, а намерены меня погубить.

— Иди в чем хочешь! — ответили жены. — Пей и насыщайся! Только намажься вот этим.

Они вручили супругу деревянную коробочку с каким-то зельем. Шунь разделся и стал втирать зелье в руки, ноги, лицо, грудь и живот. Спину же ему натерли жены. После этого Шунь облачился в чистое белое одеяние, расчесал волосы и, насвистывая, отправился к родичам.

Его ожидал стол, накрытый яствами, и радостные лица. Усадив Шуня на почетное место, злодеи стали потчевать гостя. Шунь ел и пил за обе щеки. Хозяева ему не уступали, так что вскоре стали расхваливать свое вино заплетающимися языками, а у Шуня, как говорят, не было ни в одном двухзрачковом глазу. Наевшись и напившись, он вежливо поблагодарил хозяев, уже валявшихся в бесчувствии на полу, и как ни в чем не бывало отправился домой.

За всеми приключениями шурина наблюдали сыновья Яо, передавая о виденном Яо. Правитель решил, что Шунь может быть его наследником. Но,

будучи человеком осторожным, все же решил сам устроить зятю испытание. Он предложил ему отправиться в глухомань, населенную зверями и призраками, и, пройдя через нее, вернуться к утру.

Когда стемнело, Шунь бесстрашно направился в Лес ужасов, который еще никому не удавалось перейти. Во мгле сверкали зрачки Шуня, и звери в ужасе бежали, змеи, шипя, отползали в сторону, духи прятались под землю. К утру Шунь вернулся во дворец живым и невредимым.

— Сын мой! — обратился Яо к зятю. — Я убедился, что ты достоин быть наследником. Но ты еще не подготовлен к высоким обязанностям. Поэтому назначаю тебя младшим чиновником. Ты должен будешь подняться к трону по лестнице власти, с которой срывалось множество моих слуг.

И стал Шунь чиновником. Эта деятельность вскоре принесла ему прозвище Безупречный, ибо он не допускал никаких промахов. Своими четырьмя зрачками он легко различал обман и недобросовестность. Он видел людей насквозь. Поэтому, не дождавшись, пока Шунь поднимется до верха лестницы власти, Яо передал ему бразды правления. Первым делом Шунь отправился на колеснице, запряженной драконами, в родную деревню. Мачеха уже умерла. С отцом Шунь примирился. Старец к тому времени понял, какого благодетельного сына он имел. Раскаялся и Сян. Видя искренность его раскаяния, Шунь назначил Сяна князем в области, где было много слонов.

Став Сыном Неба, Шунь прежде всего занялся преобразованиями музыки, и не только потому, что ее любил. Будучи чиновником, Шунь убедился, что ни один вор и мздоимец не любит музыки, если не считать мелодии, издаваемой золотом и серебром. Музыка, как считал Шунь, может лучше исправить нравы, чем самые суровые законы. К пятнадцатиструнным гусям Шунь добавил еще десять струн. Он сочинил мелодию «девяти призывов» для флейты и губного органчика. Стоило зазвучать этим призывам, как в Поднебесной наступало веселье и с неба прилетали к Шуню фениксы, под покровительством которых он находился. Музыка была любимым занятием Сына Неба до конца его лет. Люди запомнили его песню о благодетельном южном ветре:

С юга дует южный ветер,

Он поможет избавить народ от забот,

Вовремя южный ветер дует,

Людям богатство он принесет.

Шунь умер, осматривая южные земли в пустоши Цанху. Печальная весть облетела всю Поднебесную империю. Вдовы Шуня, разделявшие все горести удивительной жизни этого смертного, тотчас поспешили к месту кончины. Глаза их были застланы слезами, и они не видели ничего вокруг. Горькие слезы падали на стволы бамбука, проедая их. С тех пор на юге появился бамбук, который называют бамбуком духов реки Сян.

Останки Шуня положили в глиняный саркофаг. Когда его опустили в могилу, с неба послышалось «девять призывов», но не радость они вызвали, а слезы. Люди не видели, как к пустоши Цанху полетела стая фениксов. Они роняли на землю разноцветные перья, и там, где падало перо, будущей весной вырос великолепный цветок. Каждой весной в местности Цанху люди видели огромного слона. Он тащил борону, вспахивая пустошь. Другие слоны наблюдали за его работой, одобрительно помахивая хоботами. С тех пор в Поднебесной слоны не вытаптывали посевов и не ломали домов.

Опустевший трон Поднебесной занял Юй, тот, который усмирил потоп.